

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (диахроническое сопоставление)

Для цитирования: *Неборская Л. Н., Кушнерук Н. Н. Средства реализации категории посессивности в немецком языке (диахроническое сопоставление) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2024. Вып. 14. С. 47–61. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2024.102>*

Универсальная понятийная категория посессивности входит в качестве базовой в языковую картину мира человека и отражает сферу личного пространства, предметы и явления которого находятся в отношениях отчуждаемой или неотчуждаемой принадлежности к субъекту обладания. Авторы статьи, опираясь на теоретические положения Петербургской школы функциональной грамматики, интерпретируют реализацию посессивной семантики на грамматическом и лексико-семантическом уровнях. Формируемое таким образом функционально-семантическое поле посессивности представляет собой бинарную структуру, характеризующуюся различными способами отражения действительности — атрибуцией и предикацией. Цель исследования заключается в выявлении и описании грамматических, лексических и семантических особенностей атрибутивных и предикативных конструкций, реализующих отношения принадлежности между одушевленным или неодушевленным посессором и объектом обладания в диахроническом аспекте. Материалом исследования послужили фрагменты текстов различной жанровой принадлежности (фрагмент древнегерманской народной эпической поэмы, евангельская гармония, поэма о Страшном суде, отрывок из Книги Бытия и героический эпос) древневерхненемецкого, средневерхненемецкого и ранненововерхненемецкого периодов развития немецкого языка. Анализ материала продемонстрировал, что средства реализации посессивных отношений во всех исторических периодах развития немецкого языка представлены атрибутивными и предикативными конструкциями. При этом ядро функционально-семантического поля посессивности формируют атрибутивные конструкции, в то время как предикативная посессивность представлена единичными случаями использования глаголов статического и динамического обладания. При выборе атрибутивных средств выражения посессивности обнаруживается зависимость от семантики имени существительного, а установленная частотность их использования отражает основные тенденции в развитии и становлении грамматического строя немецкого языка. Характер ситуаций с точки зрения отображаемых в них посессивных отношений и их частотность обусловлены жанровой спецификой текстовых фрагментов. В соответствии с целью методология исследования основывается на применении сопоставительного метода и метода контекстуального анализа.

Ключевые слова: категория посессивности, принадлежность, обладание, атрибутивная посессивность, предикативная посессивность.

METHODS FOR APPLYING THE POSSESSIVE CASE IN THE GERMAN LANGUAGE THROUGH DIACHRONIC JUXTAPOSITION

For citation: Neborskaya L. N., Kushneruk N. N. Methods for applying the possessive case in the German language through diachronic juxtaposition. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2024, iss. 14, pp. 47–61.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2024.102> (In Russian)

The universal notion of possessiveness is a fundamental category within the language-based world perception and reflects the personal space, objects and phenomena of which are in relationships of alienable or inalienable possession by the subject. Following the theoretical principles of St. Petersburg Functional Grammar School, the researchers interpret the possessive case semantics implementation at grammatical and lexical-semantic levels. This functional-semantic field of possessiveness is interpreted as a binary structure characterized by diverse reflections of reality, namely attribution and predication. This study's purpose is to identify and describe grammatical, lexical, and semantic features of attributive and predicative constructions establishing the possessive relationships between animate/inanimate possessors and their objects diachronically. Researchers studied textual fragments of various genres (ancient German folk epic poem, Harmony of the Gospels, the poem about the Last Judgment, an excerpt from the Book of Genesis, and heroic epic) from Old Upper German, Middle Upper German, and Early New Upper German periods. The analysis demonstrates the possessive case methods in all German language historical periods presented through attributive and predicative constructions. Attributive constructions constitute the core of the functional-semantic field, while predicative possessiveness is represented by isolated cases of verbs denoting static and dynamic possession. The choice of attributive means reveals dependence on the noun semantics, and the frequency of use reflects the fundamental trends in the German language's grammatical structure development. As for possessive relationships and their frequency, genre-specific characteristics of the textual fragments determine the situation types. The study's methodology includes the comparative method and contextual analysis.

Keywords: possessiveness category, ownership, possession, attributive possessiveness, predicative possessiveness.

1. Введение

Категория посессивности представляет собой сложную по содержанию универсальную понятийную категорию языка, основное значение которой — определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету [Журинская 1977] и исследование которой позволяет раскрыть некоторые механизмы

социального взаимодействия определенной языковой общности. С помощью грамматического описания удастся выявить проводимые в изучаемом языке границы «личной сферы, включающей разного рода предметы и явления, находящиеся в отношении неотчуждаемой («органической») или отчуждаемой принадлежности к данному лицу — «посессору». Тем самым языковая характеристика отношений посессора к предметам, находящимся в его (отчуждаемой или неотчуждаемой) собственности, делается важной для описания языкового сознания общества. Другими словами, лингвистика подходит здесь к описанию тех отношений, которые могут представлять интерес для описания социума в целом (в том числе и социальных, и хозяйственных его аспектов), и в то же время важны для когнитивной психологии, сближение которой с лингвистикой представляет собой одну из примечательных черт развития лингвистики в последние годы» [Касьянов 2010].

Семантическая многовекторность посессивности актуализирует проблему определения ее границ, типов и моделей, проблему разграничения смыслов «владеть», «обладать», «принадлежать» и «иметь при себе». Последнее связано с приданием указанной категории исключительно антропоцентричного характера: отношение обладания имеет смысл только по отношению к посессору-человеку: «Der Possessor ist prototypisch belebt und vorzugsweise menschlich» [Seiler 1988: 81]. В данной статье, однако, предпочтение отдается более широкому пониманию проблемы обладания между субъектом-посессором (обладателем) и объектом (обладаемым).

Категория посессивности представлена следующими элементами: 1) посессор (одушевленный или неодушевленный); 2) посессум — объект обладания (потенциальное или реальное обладаемое); 3) отношения между ними, которые могут быть зафиксированы в развитии. Структура посессивных отношений достаточно неоднородна и включает оппозицию таких признаков, как одушевленность — неодушевленность, лицо — предмет, конкретность — абстрактность, статичность — динамичность, отторжимость (отчуждаемость) — неотторжимость (неотчуждаемость) от посессора.

В основе категории посессивности лежит семантика распространения одного объекта (обладателя или посессора) на другой объект или некоторое множество других объектов (обладаемого). В этой связи следует указать на разграничение трех основных типов отношений распространения: 1) посессор X распространяет

свое «силовое поле» на обладаемое Y, то есть Y находится под властью X (физической, юридической, моральной); 2) X распространен на Y физически или функционально, то есть Y является частью X или частью его существования (жизнедеятельности, функционирования); 3) Y несет в себе элемент посессора (имеет свойство, существующее как отношение к посессору, — его враг, его друг). При этом подчеркивается, что вышеуказанные типы могут действовать одновременно и взаимосвязанно, а отсутствие четких критериев усложняет выделение данных отношений [Селиверстова 1990].

Категория посессивности последовательно реализуется на различных уровнях языковой системы: морфологическом, лексико-семантическом и синтаксическом. Разноуровневые средства выражения посессивной семантики объединяются в функционально-семантическое поле посессивности, которое характеризуется наличием бинарной структуры, обусловленной различными способами отражения действительности — предикацией и атрибуцией [Бондарко 1996; Бондарко 2013; Короткова 2010].

Основой атрибутивной посессивности являются посессивные конструкции, в которых посессор и обладаемое связаны синтаксической связью и образуют одну именную группу [Потанина 2014]. Атрибутивные посессивные конструкции подразделяются на согласованные, выражаемые в немецком языке притяжательными местоимениями и относительными прилагательными [Čulenová 2011], и управляемые, которые находят свое отражение в языке через родительный и дательный падеж, а также сложные существительные и предложные конструкции с *von* [Давлетшина 2008].

Центр предикативной посессивности образуют конструкции, в которых представлены все три элемента посессивной ситуации: посессор, или обладатель; объект обладания; а также отношения между ними [Швец 2018]. Предикативные посессивные конструкции носят статический и динамический характер, таким образом, в немецком языке выделяют конструкции с глаголами статического обладания (*haben, besitzen, gehören*) и динамического обладания (*bekommen, nehmen, geben*), а также с глаголами, уточняющими способ приобретения собственности (*ausgeben, kaufen, stehlen*) [Глушак 2013]. В предикативной посессивности важную роль играет признак неотчуждаемости, указывающий на то, что «посессивные конструкции тесно взаимодействуют с количественными, локативными и качественными элементами» [Толстая 2010: 81].

В данной статье планируется рассмотреть грамматические и семантические особенности предикативных и атрибутивных посессивных конструкций в древневерхненемецкий, средневерхненемецкий и ранненоверхненемецкий периоды развития немецкого языка на материале текстовых фрагментов письменных источников различных жанров: 1) «Песнь о Хильдебранде» (770–780 гг.); 2) «Евангельская гармония Татиана» (830 г.); 3) «Песнь о Людвиге» (881–882 гг.); 4) «Муспилли» (ок. 870 г.); 5) «Помни о смерти» Ноткера (1070 г.); 6) «Древнесаксонская Книга Бытия» (950 г.); 7) «Песнь о Нибелунгах» (1190–1200 гг.); 8) «Песнь о Зигфриде» (ок. 1530 г.).

Из представленных текстовых фрагментов объемом свыше 12 000 словоупотреблений методом сплошной выборки было отобрано 440 атрибутивных посессивных конструкций и 35 конструкций с глаголами посессивной предикации.

2. Атрибутивные посессивные конструкции

Посессивные отношения, реализуемые атрибутивными конструкциями в текстовых фрагментах периода с VIII по XVI вв., квалифицируются как межличностные отношения, актуализирующие:

1) родственные (семейные) отношения¹: (1) *sin fater* ‘его отец’, (2) *quena imo* ‘жена его’, (3) *thîn quena Elysabeth* ‘твоя жена Элисавета’, (4) *sîne eldiron* ‘его родители’, (5) *Iosebe sînemo sune* ‘Иосифу его сыну’ [Der althochdeutsche Tatian 830], (6) *Heribrantes sunu* ‘Херибранда сын’, (7) *Hiltibrant gimahalta* ‘Хильдебранда жена’ [Das Hildebrandslied 770–780], (8) *allez din geslahte* ‘все твои потомки’, (9) *kint mînez* ‘дитя мое’ [Die altsächsische Genesis 950], (10) *ir muoter* ‘ее мать’, (11) *daz Sigelinde chint* ‘Зиглинды сын’, (12) *des starchen Sifrides wîr* ‘мужественного Зигфрида жена’, (13) *vîl lieber vater mîn* ‘дорогой отец мой’, (14) *die edelen brvder mîn* ‘благородные братья мои’, (15) *des uebeln tivels brvt* ‘злого дьявола невеста’, (16) *daz kvneges kint* ‘короля сын’ [Das Nibelungenlied 1190–1200], (17) *seyn vatter und mûter* ‘его отец и мать’, (18) *meyn liebsten brüder* ‘мои любимые братья’, (19) *des Künings tochter* ‘короля дочь’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530]. Семантика посессума (объекта обладания) в данных атрибутивных конструкциях демонстрирует две перспективы семейной модели,

¹ Здесь и далее для уточнения значений использовались словари: [Lexher 2010; Schützeichel 2012].

характерные для формирования родственных отношений раннего и позднего средневековья на основе пропагандируемых христианством семейных ценностей, а также на основе специфики распределения власти внутри семьи и распоряжения ее собственностью: родители (мать, отец) — дети (брат, сестра, сын, дочь) или муж — жена;

2) дружеские (любовные) и недружеские отношения: (20) *gisellion mîne nôtstallon* ‘друзья мои соратники’, (21) *sînan fîanton* ‘его врагов’ [Das Ludwigslied 881–882], (22) *geselle sin* ‘друг его’, (23) *der liebe vrivnt din* ‘близкий друг твой’, (24) *die sînen triutinne* ‘его подруга’ [Das Nibelungenlied 1190–1200], (25) *geselle meyn* ‘приятель мой’, (26) *seyn hertzen lieb* ‘его возлюбленная’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530].

Установлено, что морфологическими средствами реализации данного типа посессивных отношений в атрибутивной конструкции являются притяжательное местоимение в пре- и постпозитивном употреблении к имени существительному, а также имя существительное в родительном падеже в препозитивном употреблении. В качестве средств, поддерживающих атрибуцию описываемых отношений, прослеживается тенденция к использованию имен прилагательных в позиции перед именем существительным, что в большей степени характерно для средне- и ранненововерхненемецкого периодов. Представляется, что причиной использования имен прилагательных в атрибутивной функции является изменение структуры предложения в поздние периоды развития немецкого языка, которое выражается в необходимости использовать атрибутивное прилагательное в препозиции для однозначной соотнесенности описываемого признака с именем существительным.

Партитивные отношения (отношения «часть — целое») реализуются:

1) в атрибутивных конструкциях, в которых посессор выражен неодушевленным или абстрактным именем существительным: (27) *thekkî thes tempales* ‘на крыле храма’ [Der althochdeutsche Tatian 830], (28) *seyns lebens tag* ‘(один) день его жизни’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530];

2) в конструкциях с одушевленным посессором, выражающих отношения неотчуждаемой принадлежности и содержащих лексемы, называющие внутренние органы и части тела человека: (29) *thînan fuoz* ‘твою стопу’, (30) *daz Eliases pluot* ‘Илии кровь’ [Muspilli

870], (31) *houbet sin* ‘голову его’, (32) *min lip* ‘мое тело’, (33) *dīnen ougen* ‘твои глаза’, (34) *des heldes hant* ‘рука героя’ [Das Nibelungenlied 1190–1200], (35) *von deym munde* ‘из твоего рта’, (36) *auß jren augen* ‘из ее глаз’, (37) *in seyner hand* ‘в его руке’, (38) *an seyn arm* ‘на его руке’, (39) *zwischen den seynen schultern* ‘между его плеч’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530].

Основными средствами реализации партитивных отношений в проанализированных текстовых фрагментах являются генитив в препозитивном употреблении при одушевленном или абстрактном посессоре и притяжательные местоимения при одушевленном посессоре.

Отношения, актуализирующие качественный признак или свойство посессивной связи между посессором и объектом обладания, тематизируют ментально-бытийную или психо-эмоциональную сферы и реализуются на морфологическом уровне в конструкциях с генитивом или посессивным местоимением: (40) *her Otachres nid* ‘Отакера ярость’, (41) *din ellen* ‘твоя ревность’ [Das Hildebrandslied 770–780], (42) *sīnan uuistuom* ‘его рассудка’ [Der althochdeutsche Tatian 830], (43) *sin muot* ‘его нрав’, (44) *iru leid* ‘их мучения’ [Muspilli 870], (45) *ir vil hochgemvte* ‘ее гордыня’, (46) *ir minne* ‘ее любовь’, (47) *den sinen starchen haz* ‘его сильной ненависти’, (48) *sine sinne* ‘его жадность’ [Das Nibelungenlied 1190–1200], (49) *seyn sterck und seyn macht* ‘его сила и его мощь’, (50) *deynen ubermūt* ‘его гордость’, (51) *deyn gnade* ‘твоя милость’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530]. В качестве объекта обладания здесь выступают имена существительные абстрактной семантики.

Зарождающиеся и развивающиеся отношения обладания материальной собственностью реализуются в конструкциях с предметными именами, где посессивная группа включает скрытый предикат:

1) люди (животные) как собственность (поданные, слуги): (52) *usere liuti* ‘наши воины’, (53) *sinero degano filu* ‘его рыцари многие’ [Das Hildebrandslied 770–780], (54) *mit ir mageden* ‘с ее придворными дамами’, (55) *sinen dienest* ‘его прислуге’, (56) *ir chamærær* ‘его казначей’ [Das Nibelungenlied 1190–1200], (57) *seyner Bracken* ‘его гончие (собаки)’, (58) *zū seynem Rosse* ‘к его лошади’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530];

2) одежда или военное снаряжение: (59) *iro gudhamun* ‘их доспехи’, (60) *iro suert* ‘их меч’ [Das Hildebrandslied 770–780], (61) *ir vil*

scharpffen waffen ‘их острые мечи’, (62) *ir sciff* ‘их корабль’, (63) *sin ritterlich gewant* ‘его рыцарское одеяние’ [Das Nibelungenlied 1190–1200], (64) *seyn vil gût seyden gewandt* ‘его серебряное одеяние’, (65) *unter seym schildte* ‘под его щитом’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530];

3) территория как собственность: (66) *in Davides burg* ‘в городе Давида’ [Der althochdeutsche Tatian 830], (67) *dâ zen Bûrgonden* ‘страна Бургундов’, (68) *Êtzelen lant* ‘государство Этцеля’, (69) *Pruenhilde lant* ‘Брюнхильды страна’ [Das Nibelungenlied 1190–1200], (70) *in jres vatters landt* ‘в стране его отца’, (71) *in meynem eygen hauß* ‘в моем собственном доме’, (72) *in meynes vatters hauß* ‘в доме моего отца’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530].

Как следует из приведенных примеров, обладание материальным объектом реализуется в конструкциях с посессивным местоимением, территориальное же или имущественное владение выражается генитивным атрибутом.

Скрытый не притяжательный предикат маркирует конструкции, которые относятся к периферии посессивного поля и тематизируют:

1) отношения пространственной принадлежности, маркирующие происхождение: (73) *iuîb fon Samariu* ‘женщина из Самарии’ [Der althochdeutsche Tatian 830], (74) *von Tronege Hagene* ‘из Тронье Хаген’, (75) *von Metzen Ortewîn* ‘из Меца Ортвин’ [Das Nibelungenlied 1190–1200];

2) отношения темпоральной принадлежности: (76) *in tagun Herodes* ‘во времена Ирода’, (77) *in iro zîti* ‘в ее время’, (78) *tagâ sînes ambahtes* ‘время его монастырского послушания’ [Der althochdeutsche Tatian 830], (79) *unsa hinavarth* ‘нашей смерти’ [Das Hildebrandslied 770–780], (80) *in siner jugende* ‘в своей молодости’, (81) *an ir endes zît* ‘до ее смерти’, (82) *an mînen tût* ‘до моей смерти’ [Das Nibelungenlied 1190–1200], (83) *sina vart* ‘его смерть’ [Zwiefalten 1070], (84) *bey seynen tagen* ‘в его дни’, (85) *seyn ende* ‘его конец (жизни)’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530].

Атрибутивные конструкции могут выражать отношения принадлежности по действию и содержать их результаты или продукты (так называемые отношения агентивности): (86) *sîn antvvurti* ‘его ответов’, (87) *mînên iuortun* ‘моих слов’ [Der althochdeutsche Tatian 830], (88) *in ir troume* ‘в ее сне’ [Das Nibelungenlied 1190–1200], (89) *meynen lere* ‘мое указание’, (90) *deyn red* ‘твоя речь’, (91) *inn*

jrem gespreche ‘в их разговоре’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530]. Подобные отношения тематизируют акты речи и реализуются в структурах с посессивными местоимениями.

3. Предикативные посессивные конструкции

Категория посессивности, прототипически интерпретируемая, как уже указывалось, как отношение принадлежности между двумя объектами, один из которых, осуществляющий владение, функционирует как обладатель, а другой, подвергающийся владению, входит в эти отношения в качестве обладаемого. Синтаксически эти два полюса могут сочетаться атрибутивно, в этом случае они выполняют функцию одного элемента предложения, или предикативно, в этом случае они выступают как независимые элементы предложения. Таким образом, посессивное отношение в атрибутивной области стоит вне действия, в то время как в предикативной области оно встроено в действие. Во втором случае происходит своего рода наложение семантических и грамматических ролей, а именно посессора/посессума, с одной стороны, и субъекта/объекта — с другой. Иными словами, предикативное выражение посессивного отношения, в отличие от атрибутивного, предполагает наличие грамматических актантов (субъекта и объекта).

В анализируемых текстовых фрагментах выявлено незначительное количество предикативных посессивных конструкций:

1) с глаголами статического обладания *haben* и *besitzen*: (92) *ni habu gomman* ‘у меня нет мужа’, (93) *thû habêtôs finf gomman* ‘у тебя было пять мужчин’, (94) *sie ni habent uuîn* ‘у них не было вина’ [Der althochdeutsche Tatian 830], (95) *ich han selbe siden* ‘у меня есть шелк’, (96) *ich han einen man* ‘у меня есть муж’ [Das Nibelungenlied 1190–1200], (97) *thet er den schatz besitz* ‘что он сокровищем владеет’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530];

2) с акциональными глаголами донативной семантики, уточняющей способ приобретения собственности *empfangen*, *nehmen*, *geben*, *gewinnen*, *kaufen*: (98) *sie couftîn tuos* ‘они купили блюда’, (99) *thio intfâhenti iro lihtfaz* ‘которые взяли свои лампы’, (100) *ni nâmun oli mit in* ‘(они) не взяли с собой масла’, (101) *gebet uns fon iuuuieremo ole* ‘дайте нам вашего масла’ [Der althochdeutsche Tatian 830], (102) *do si div swert gewnnen* ‘когда они мечи получили’, (103) *daz ich ie gewan den sun* ‘что у родила сына’ [Das Nibelungenlied 1190–1200],

(104) *hinter derselben Linden der solt jm Kolen geben* ‘за той же самой липой он должен был ему дать углей’, (105) *die stang nam von der erd* ‘меч (он) взял с земли’, (106) *er nam jm bey dem arme* ‘он взял его за руку’, (107) *Sewrid nam seyn hembd seyden* ‘Зигфрид взял свою рубашу серебряную’ [Das Lied vom hürnen Seyfried 1530].

Выявленные конструкции со значением предикативной посессивности выражают отношения отчуждаемой принадлежности, в которых основным свойством предиката является указание на наличие или отсутствие лица или предмета. Следует указать на способ реализации семантического и грамматического актантов — одушевленный посессор (субъект) и неодушевленный посессум (объект). В качестве последнего выступают имена существительные, обозначающие предметы быта, пищу, одежду и оружие. Установление посессивной связи с одушевленным посессумом наблюдается в основном в конструкциях с глаголом *haben*.

4. Заключение

Проведенное исследование текстовых фрагментов широкого временного диапазона и интерпретация выявленных в них посессивных конструкций позволяют сделать ряд выводов.

Средства реализации посессивных отношений во всех исторических периодах развития немецкого языка представлены атрибутивными и предикативными конструкциями и актуализируются на различных уровнях языковой системы: морфологическом (родительный падеж), лексико-грамматическом (притяжательные местоимения, предложные конструкции) и лексико-семантическом (глаголы статического и динамического обладания: иметь, владеть; акциональные глаголы донативного действия: купить, получить, отдавать, брать).

Широкое употребление характерно для средств атрибутивной посессивности, средства предикативной посессивности представлены единичными случаями.

При выборе средств выражения посессивности в проанализированных текстовых фрагментах обнаруживается зависимость от семантики имени существительного. Так, например, доминирование посессивного местоимения наблюдается в конструкциях с терминами родства, частями тела, одежды и оружия. Отдельные случаи употребления генитивных конструкций типичны для кон-

струкций с одушевленным посессором, выраженным именем собственным, или для отношений, маркирующих территориальную принадлежность. Глагол *haben*, в свою очередь, отражает отношения обладания одушевленным объектом, находящимся с посессором в семейных отношениях (муж, жена, ребенок).

Перечень ситуаций, в которых реализуются посессивные атрибутивные отношения, можно обобщить следующим образом: 1) межличностные отношения, включающие близкородственные или дружеские связи; 2) партитивные (часть — целое) отношения, в которых актуализируются такие характеристики объектов, как одушевленность — неодушевленность, отторжимость — неотторжимость; 3) отношения обладания одушевленного лица ментально-бытийными или психоэмоциональными свойствами; 4) отношения обладания материальной собственностью, к которой относятся слуги, животные, военное снаряжение, имущественные и земельные владения; 5) отношения принадлежности, маркирующие территориальную или временную соотнесенность посессора с отображаемой ситуацией; 6) отношения принадлежности по действию, содержащие результаты или продукты действий, совершаемых одушевленным посессором.

Отношения предикативной посессивности представлены глаголами статического и динамического обладания, в группу последних входят акциональные глаголы донативной семантики.

Жанровая специфика выбранных для анализа текстовых фрагментов как прозаического, так и поэтического характера, влияет на частотность посессивных ситуаций: к ядерным можно отнести посессивные отношения, тематизирующие межличностные (33, 43 и 26 % в каждом из периодов) и партитивные (13, 10 и 30 % в каждом из периодов) отношения. При этом наблюдается доминирование актуализации родственных отношений в средневерхненемецкий период, что связано с сюжетом поэмы «Песнь о Нибелунгах», в центре которой описание борьбы за власть нескольких королевских семей. Отношения принадлежности результата действия (8, 3 и 6 % в каждом из периодов) и отношения принадлежности на основе территориальной или временной соотнесенности посессора с отображаемой ситуацией (14, 8 и 4 % в каждом из периодов) находятся на периферии посессивных отношений, так как в этих ситуациях актуализируется фактологическая информация о происхождении посессора, времени протекания действия, а также косвенное описание процесса коммуникации персонажей.

Количественные подсчеты данных о языковых средствах реализации категории посессивности, полученные при диахроническом сопоставлении письменных текстов, выявляют значительное сокращение генитивных конструкций как в постпозиции, так и в препозиции к имени существительному: в древневерхненемецкий период — 29 % (14 % — в препозиции, 15 % — в постпозиции), в средневерхненемецкий период — 21,8 % (19,9 % — в препозиции, 1,9 % — в постпозиции), в ранненоверхненемецкий период — 12,6 % (11,2 % — в препозиции, 1,4 % — в постпозиции). Напротив, возрастает частотность использования притяжательных местоимений для выражения атрибутивных посессивных отношений — от 68 % в древневерхненемецкий и 73 % в средневерхненемецкий периоды к 86,7 % в ранненоверхненемецкий период. Конструкции с предлогом *von* представлены единичными случаями: в древневерхненемецкий период — 3 %, в средневерхненемецкий период — 3,2 % и в ранненоверхненемецкий период — 1,7 %. Приведенные числовые данные подтверждают основные тенденции в развитии грамматического строя немецкого языка, характерные для письменной речи в тот или иной период его развития.

Источники и словари

Das Hildebrandslied. 770–780. URL: <https://web.archive.org/web/20050914070459> (дата обращения: 20.09.2023)

Der althochdeutsche Tatian. 830. URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/ahd/tatian> (дата обращения: 08.11.2023).

Muspilli. 870. URL: <https://www.tha.de/~harsch/germanica/Chronologie/09Jh/Muspilli> (дата обращения: 12.05.2023).

Das Ludwigslied. 881–882. URL: <https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/09Jh/Ludwigslied> (дата обращения: 12.05.2023)

Zwiefalten von N. Memento mori. 1070. URL: <https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/11Jh/Noker> (дата обращения: 22.05.2023)

Die altsächsische Genesis. 950. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/09Jh/Genesis/gen_frag.html (дата обращения: 15.04.2023).

Das Nibelungenlied. 1190–1200. URL: <https://www.germ.univie.ac.at/nibelungenwerkstatt> (дата обращения: 22.05.2023).

Das Lied vom hürnen Seyfried. 1530. URL: <https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica> (дата обращения: 20.01.2024).

Lexen M. *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch.* Stuttgart: Hirzel S. Verlag, 2010. 504 S.

Schützeichel R. *Althochdeutsches Wörterbuch.* Göttingen: De Gruyter, 2012. 415 S.

Литература

Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 230 с.

Бондарко А. В. Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: сб. материалов конф., 9–12 апр. 2013 г. / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Нестор-История, 2013. 367 с.

Глушак Т. С. Проблемные аспекты посессивности: (на материале русского и немецкого языков) // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 2 (22). С. 65–74.

Давлетишина С. М. Категория посессивности в языке и речи (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2008. 172 с.

Журинская М. А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке / отв. ред. В. Н. Янцева. М.: Наука, 1977. С. 194–255.

Касьянов А. В. Инхоативные негативные посессивные глаголы в немецком языке // Язык — когниция — коммуникация: тезисы докладов Междунар. науч. конф., Минск (Беларусь), 3–6 ноября 2010 г. / отв. ред. З. А. Харитончик. Минск: Минск. гос. лингвист. ун-т, 2010. С. 193–194.

Короткова А. В. Семантика посессивности и ее реализация в сложном синтаксическом целом // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 162–166.

Потанина О. С. К типологии атрибутивных посессивных конструкций на материале васюганского диалекта хантыйского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). С. 165–169.

Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика: опыт описания. М.: Наука, 1990. 150 с.

Толстая А. А. Семантика и функционирование предикативной посессивности // Актуальные вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков: матер. XIV респ. науч.-практ. конф., Брест, 12 марта 2010 г.: в 2 т. Т. 1. / редкол.: Н. А. Тарасевич [и др.]. Брест: Брестский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2010. С. 80–83.

Швец С. Н. Реализация категории «посессивность» в немецком языке (на материале устного и письменного дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 23 с.

Seiler H. Die universalen Dimensionen der Sprache. Eine vorläufige Bilanz. Vorlesung im WS 1985/86. Köln: Inst. für Sprachwissenschaft, 1988. 140 S. URL: [https://publikationen.ub.uni-frankfurt.de/opus4/frontdoor/deliver/index/docId/25164/file/AKUP75_Seiler\(1988\).pdf](https://publikationen.ub.uni-frankfurt.de/opus4/frontdoor/deliver/index/docId/25164/file/AKUP75_Seiler(1988).pdf) (дата обращения: 29.01.2024).

Čulenová E. Ausdrucksweisen der Possessivität im Deutschen und im Slowakischen: eine konfrontativ-kontrastive linguistische Analyse // Aussiger Beiträge: Germanistische Schriftenreihe aus Forschung und Lehre. 5. Jahrgang 2011. S. 137–145.

References

- Bondarko A. V. *Theory of functional grammar. Locativity. Being. Possessiveness. Conditionality*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, 230 p. (In Russian)
- Bondarko A. V. Verbal and nominal categories in the system of functional grammar. *Sbornik materialov konferentsii*, 9–12 apr. 2013 g. Ed. by A. V. Bondarko. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2013, 367 p. (In Russian)
- Čulenová E. Ausdrucksweisen der Possessivität im Deutschen und im Slowakischen: eine konfrontativ-kontrastive linguistische Analyse. *Aussiger Beiträge: Germanistische Schriftenreihe aus Forschung und Lehre*. 5. Jahrgang 2011. S. 137–145.
- Davletshina S. M. *The category of possessiveness in language and speech: (based on the material of French and Russian)*. PhD thesis abstract. Ufa, 2008, 172 p. (In Russian)
- Glushak T. S. Problematic aspects of possessiveness: (based on the material of the Russian and German languages). *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 2 (22), pp. 65–74. (In Russian)
- Kasyanov A. V. Inhoative negative possessive verbs in German. *Iazyk — kognitsiia — kommunikatsiia: tezisy dokladov Mezhdunar. nauch. konf., Minsk (Belarus’)*, 3–6 noiabria 2010 g. Ed. by Z. A. Kharitonchik. Minsk, Minsk. gos. lingvist. un-t Publ., 2010, pp. 193–194. (In Russian)
- Korotkova A. V. The semantics of possessiveness and its implementation in a complex syntactic whole. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. 2: Iazykoznanie*, 2010, no. 1 (11), pp. 162–166. (In Russian)
- Potanina O. S. On the typology of attributive possessive constructions based on the material of the Vasyugan dialect of the Khanty language. *Philology. Theory & Practice*, 2014, no. 5 (35), pp. 165–169. (In Russian)
- Seiler H. *Die universalen Dimensionen der Sprache. Eine vorläufige Bilanz. Vorlesung im WS 1985/86*. Köln, Inst. für Sprachwissenschaft, 1988. 140 S. Available at: [https://publikationen.ub.uni-frankfurt.de/opus4/frontdoor/deliver/index/docId/25164/file/AKUP75_Seiler\(1988\).pdf](https://publikationen.ub.uni-frankfurt.de/opus4/frontdoor/deliver/index/docId/25164/file/AKUP75_Seiler(1988).pdf) (accessed: 29.01.2024).
- Seliverstova O. N. *Contrastive syntactic semantics: The experience of description*. Moscow, Nauka Publ., 1990, 150 p. (In Russian)
- Shvets S. N. *Realization of the category of “possessiveness” in the German language (based on the material of oral and written discourse)*. PhD thesis abstract. St. Petersburg, 2018, 23 p. (In Russian)
- Tolstaya A. A. Semantics and functioning of predicative possessiveness. *Aktualnye voprosy germanskoi filologii i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov. Materialy XIV respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Brest, 12 marta 2010 g.* In 2 vols. Vol. 1. Ed. by N. A. Tarasevich et al. Brest, Brestskii gos. un-t im. A. S. Pushkina Publ., 2010, pp. 80–83. (In Russian)
- Zhurinskaya M. A. Nominal possessive constructions and the problem of irreducible belonging. *Kategoriia bytiia i obladaniia v iazyke*. Ed. by V. N. Iartseva. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 194–255. (In Russian)

Неборская Лариса Николаевна

доцент кафедры теории и практики немецкого языка МГЛУ,
кандидат филологических наук
Адрес: Республика Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 21

Larisa N. Neborskaya

Associate Professor of the Departement of Theory and Practice of German,
Minsk State Linguistic University,
PhD in Philology
Address: 21, ul. Zakharova, Minsk, 220034, Republic of Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8818-8404>

E-mail: neborskaja@gmail.com

Кушнерук Наталья Николаевна

преподаватель-стажер кафедры теории и практики немецкого языка МГЛУ,
магистр филологических наук
Адрес: Республика Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 21

Natalya N. Kushneruk

Trainee Teacher of the Departement of Theory and Practice of German,
Minsk State Linguistic University,
MA in Philology
Address: 21, ul. Zakharova, Minsk, 220034, Republic of Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5597-8682>

E-mail: natali.kushneruk00@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.

Принята к публикации 26 апреля 2024 г.